

Политика Великобритании от Мюнхена до пакта Риббентропа–Молотова: от умиротворения к политике гарантий?

Н. К. Капитонова*

Все дальше в прошлое уходит от нас Вторая мировая война, а интерес исследователей к ней не угасает. Могла ли Великобритания избежать войны, отказавшись от политики умиротворения агрессора, кульминационным моментом которой стал позорный Мюнхенский договор сентября 1938 г., пойдя совместно с Францией на военное сотрудничество с Советским Союзом? Можно ли было остановить агрессора с помощью предоставления Великобританией твердых гарантий малым странам Европы? Казалось бы, так и было сделано, но какова была цена этих гарантий, и было ли правительство Чемберлена искренним в своем стремлении защитить малые страны? Не намеревалось ли оно использовать эти гарантии в качестве средства давления на А. Гитлера с целью заставить его пойти на сговор с Лондоном? Эти, казалось бы, уже ставшие банальными вопросы продолжают задавать себе историки разных стран.

Мюнхенский договор по праву считается одним из самых позорных эпизодов британской истории. Не случайно в рейтинге британских премьер-министров XX века, составленном на основании опросов ведущих историков и политиков Великобритании в 1999–2000 гг., тогдашний руководитель страны консерватор Н. Чемберлен занял «почетное» предпоследнее место (последним — 20-м — неизменно стоит Э. Иден, с именем которого связан еще один позорный эпизод — Суэцкая авантюра 1956 г.) Чувство вины перед Чехословакией за Мюнхен заставляло выступать с его осуждением многих британских руководителей, однако понадобилось подписать в 1992 г. англо-чехословацкий договор, объявивший Мюнхенское соглашение ничтожным (nullifying) с самого на-

чала, чтобы Великобритания, наконец, смогла окончательно перевернуть эту страницу своей истории.

Признавая порочность решения о разделе Чехословакии, многие британские политики и специалисты не усматривали в этом злого умысла. Н. Чемберлен, по их мнению, вынужден был пойти на подписание этого позорного соглашения, поскольку так сложились «объективные обстоятельства». Другими словами, британский премьер-министр как бы выводился за скобки содеянного в Мюнхене. Будущий лидер лейбористской партии М. Фут и другие авторы книги «Виновные» еще в 1940-е гг. утверждали, что он привел страну к войне, так как наивно полагал, что можно умиротворить А. Гитлера. Один из ведущих современных британских историков М. Гилберт в своей книге «Корни умиротворения» также говорит о «благородных поисках» Чемберленом мира. Впоследствии, по мере рассекречивания архивных документов того периода, некоторые исследователи начали утверждать, что британский премьер-министр не был ни труслив, ни наивен и что политика умиротворения являлась реалистичной и чуть ли не единственно возможной, поскольку давала Великобритании время для того, чтобы осуществить планы перевооружения и как следует подготовиться к войне. Кроме того, она якобы опиралась на широкую общественную поддержку. Действительно, когда Чемберлен сообщил, что отправляется в Мюнхен на встречу с Гитлером, Палата общин устроила ему бурную овацию. Даже У. Черчилль, который сказал по этому поводу в узком кругу, что премьер-министр совершает глупейший поступок из всех, которые он когда-либо совершал, поддавшись настроению Палаты, поздравил его с удачей. Впоследствии Палата

* **Наталья Кирилловна Капитонова** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД России.

общин одобрила Мюнхенское соглашение (366 — «за», 144 — «против» при 35 воздержавшихся), хотя многие ее члены наряду с чувством облегчения от того, что удалось избежать войны, испытывали чувство глубокого стыда за то, что Чехословакия была по существу отдана на растерзание агрессору.

Представители другого направления, осуждавшие политику умиротворения (к ним, в частности, принадлежат биографы Н. Чемберлена Я. Колвин, Р. Коккет, Р. Паркер) настаивали на том, что он отменял альтернативы умиротворению и умело манипулировал прессой, создавая видимость общественной поддержки проводимого курса.

По всей видимости, эти споры будут продолжаться. На наш взгляд, негативное отношение к Н. Чемберлену как к руководителю, который своей политикой уступок привел страну к войне, характерное для либералов, лейбористов и части консерваторов весной 1940 г., в результате чего он был, по существу, свергнут со своего поста, а премьер-министром стал У. Черчилль, представляется совершенно оправданным.

В начале 1939 г. правительство консерваторов продолжало проводить политику умиротворения. Еще более уверовавший после Мюнхена в свои способности решать с помощью личной дипломатии любые международные проблемы, Н. Чемберлен в сопровождении главы Форин Офис лорда Э. Галифакса отправился в январе в Италию на встречу с Б. Муссолини. Целью поездки было укрепление отношений сотрудничества между двумя странами и их руководителями, причем Чемберлен наивно полагал, что сможет таким образом «оторвать» Муссолини от Гитлера. На британского премьер-министра произвела большое впечатление постановочная часть визита — пышная встреча на вокзале с цветами, почетным караулом и прочими атрибутами подобного рода (итальянский министр иностранных дел граф Г. Чиано назвал это «лимонадом»), которые он принял за чистую монету. Об этом говорят комплименты Чемберлена в адрес итальянского диктатора, прозвучавшие из его уст уже после визита, а также — случай неслыханный в дипломатической практике — предварительный показ ему (для получения одобрения) текста предстоящего выступления премьер-министра в Палате общин с отчетом о «в высшей степени успешной» поездке в Италию. Впечатления итальянской стороны были прямо противоположными — она утвердилась во мнении, что британцы пойдут на все, чтобы избежать войны, что, в свою очередь, развязывало агрессорам руки.

Главные же усилия британского кабинета министров были направлены на умиротворение Германии. Несмотря на получение уже в конце 1938 г. информации о том, что А. Гитлер начинает всерьез рассматривать планы войны на западе (это было расценено Э. Галифаксом как козни ненавидевшего британцев И. фон Риббентропа), правительство Н. Чемберлена продолжало строить свою политику в вопросах обороны таким образом, чтобы не раздражать агрес-

сора. Так, в частности, предполагалось, что в случае германского вторжения в Нидерланды им пришлось бы оказать помощь (иначе имидж Великобритании в глазах ее доминионов, а также всего мира был бы окончательно подорван), однако Лондон стремился избежать официального заявления по этому поводу, опасаясь, что Гитлер мог расценить его в качестве угрозы в адрес Германии, что, в свою очередь, могло спровоцировать войну. По этой же причине перевооружение британской армии проводилось крайне медленно. Неоправданно затягивалось создание министерства снабжения, учреждение которого требовал военный министр лорд И. Хор-Белиша.

Среди членов кабинета и, в более широком плане, среди членов правительства не было единства в вопросе целесообразности проведения прежнего курса в отношении Германии. Заметное влияние на позицию кабинета оказывал британский посол в Германии Н. Гендерсон, который под впечатлением от своих «откровенных» и частых бесед с германским руководством (особенно с Г. Герингом, которого он даже предлагал в случае визита в Лондон наградить британским орденом) постоянно докладывал в центр об отсутствии у Германии агрессивных намерений и «относительной респектабельности» поведения А. Гитлера, если его не провоцировать. «Лучшим способом установления хороших отношений с Германией, — сообщал он министру иностранных дел, — является... уклонение от постоянного и раздражающего вмешательства в дела, в которых интересы Англии прямо или существенно не затрагиваются, а также... сохранение нейтралитета... в случае, если Германия будет занята на Востоке».¹ Гендерсон призывал главу Форин Офис убедить Польшу в необходимости «в ее же собственных интересах быть разумной» и отдать Германии Данциг. Умозаключения посла вызывали порой раздражение его непосредственного начальника, которому приходилось время от времени напоминать ему, что надежды на улучшение англо-германских отношений являются призрачными.² Что же касается премьер-министра, то он находил в депешах посла подтверждение своим мыслям. При этом как бы само собой подразумевалось, что вопросы Мемеля, Данцига, равно как и судьба Чехословакии, будут, в конце концов, решены на германских условиях. Главным для «умиротворителей» было урегулирование этих проблем таким образом, чтобы не спровоцировать войну и при этом постараться сохранить лицо.

Этим объясняется «вялая» реакция правительства Н. Чемберлена на захват А. Гитлером 15 марта 1939 г. всей Чехословакии. Действия Германии окончательно дискредитировали политику умиротворения, проводимую кабинетом, а по престижу премьер-министра был нанесен сильный удар. Неспособность Великобритании выполнить данные в Мюнхене обязательства относительно гарантий Чехословакии была подвергнута критике в парламенте. В оправдание полной пассивности британской стороны Чембер-

лен указал, что гарантии давались якобы на случай «неспровоцированной агрессии», каковая отсутствовала. Кроме того, согласно Мюнхенскому соглашению следовало провести консультации четырех держав, однако захват был осуществлен так быстро, что никакого смысла в этом уже не было. Правительство ограничилось нотой протеста, в которой выражалась «глубокая озабоченность» по поводу действий Германии. Выразив сожаление в связи с происходящим, премьер-министр констатировал прекращение действия гарантий по причине прекращения существования Чехословакии, что произошло «в результате внутреннего распада», а не в результате германской агрессии. Надо сказать, что реакция на действия правительства со стороны оппозиции, а также многих СМИ была настолько осуждающей, что Чемберлен и Э. Галифакс без обсуждения с членами кабинета поспешили дополнить ноту протеста вызовом в Лондон «для доклада» британского посла Н. Гендерсона. Была также оказана помощь беженцам, приостановлен платеж по 10-миллионному займу Чехословакии.

Обстановка в стране изменилась, и перед руководством встала необходимость смены провалившегося курса. Продолжать и дальше пассивно наблюдать за тем, как Германия поглощает одно за другим европейские государства, изменяя в свою пользу соотношение сил на континенте, Лондон позволить себе не мог. В речи 17 марта в Бирмингеме премьер-министр сообщил, что Великобритания готова достойно ответить на возможную угрозу со стороны Германии, что должно было произвести впечатление отказа от политики умиротворения агрессора.

Но так ли было на самом деле?

22 марта Великобритания и Франция предоставили гарантии военной помощи Бельгии, Нидерландам и Швейцарии, а 31 марта Лондон предоставил гарантии Польше — эту акцию глава Форин Офис Э. Галифакс охарактеризовал как «настоящую революцию» в британской внешней политике.³ В апреле аналогично поступила Франция. Тогда же были даны англо-французские гарантии Греции и Румынии. Гарантировав независимость Польши, Великобритания, вместе с тем, не гарантировала ее территориальной целостности. Руководство прекрасно понимало, что подобные гарантии странам Восточной Европы не смогут помешать А. Гитлеру их захватить. «Наша политика в отношении Германии, — указывал Н. Чемберлен на заседании кабинета 13 июня, — не имеет в виду защиту от нее отдельных государств, которым та может угрожать, но имеет целью не допустить доминирования Германии на континенте, чтобы могущественная Германия не превратилась в угрозу нашей безопасности. Захват Польши или Румынии усилит ее военную мощь, именно поэтому мы даем гарантии этим странам».⁴

Британские гарантии по существу являлись декларативными и не более того. Помощь Великобритании странам Юго-Восточной Европы, в частности, могла выражаться в лучшем случае в проведении опе-

раций, сковывавших германские армии на западной границе, в налетах и блокаде морского побережья. Но даже это, как показал впоследствии начальный период войны, не было сделано. Великобритания не собиралась в 1939 г. воевать на континенте основательно: как выяснилось в ходе последовавших через несколько месяцев англо-франко-советских военных переговоров в Москве, «к первой стадии войны» она лишь «планировала» мобилизовать 16 дивизий, имея, по словам генерала Т. Хейвуда, только пять готовых к немедленной отправке на континент.⁵ Правительство не спешило с перевооружением, так как надеялось избежать войны. Помогать Польше, которая, по расчетам британского руководства, могла в случае агрессии со стороны Германии продержаться не более нескольких недель,⁶ оно всерьез не предполагало. Что же касается западных стран, то, узнав цену британским гарантиям на примере Чехословакии, Нидерланды и Швейцария вообще от них отказались, а принявшая гарантии Дания поспешила для подстраховки заключить договор о ненападении с Германией.

Столкнувшись с негодованием оппозиции (в том числе внутрипартийной) по поводу попустительства А. Гитлеру со стороны британского правительства, по существу отдавшего ему всю Чехословакию, Н. Чемберлен захотел подкрепить свое заявление о гарантиях Польше авторитетом СССР. Для этого буквально за два часа до своего выступления в Палате общин он ознакомил советского полпреда в Великобритании И. М. Майского с содержанием заявления по Польше, заметив, что хотел бы сопроводить его сообщением, что данная гарантия находит одобрение со стороны Советского Союза. Это бесцеремонное предложение возмутило полпреда, так как премьер-министр прекрасно понимал, что у того не было физической возможности за такой короткий срок узнать мнение на сей счет советского правительства. Не получив согласия и выразив сожаление по этому поводу, Чемберлен, тем не менее, заявил в Палате, что не сомневается в понимании и сочувствии в отношении своих действий (в том, что касается Польши) со стороны СССР.⁷ Этот намек был нужен ему для того, чтобы приглушить критику действий кабинета, создав у общественности впечатление тесного контакта с Москвой в вопросе противодействия германской агрессии.

Остановить агрессию А. Гитлера на востоке было невозможно без помощи Советского Союза, и в Лондоне это хорошо понимали. Без привлечения СССР гарантии малым странам ничего не стоили. После захвата Чехословакии между Лондоном и Москвой начинается обмен мнениями по поводу сложившейся в Европе ситуации. 17 марта британское правительство обратилось к Советскому Союзу и некоторым другим европейским странам относительно их реакции на возможное вторжение Германии в Румынию. Через несколько дней — 21 марта — британский посол У. Сидс вручил наркому М. М. Литвинову проект Декларации четырех держав (Великобритании, СССР, Франции

и Польши), в которой предлагалось проводить немедленные консультации о совместных действиях в случае возникновения угрозы независимости «любого европейского государства». Если Германия продолжит продвигаться в сторону установления мирового господства, она должна знать, что ей придется воевать на два фронта. 10 мая Н. Чемберлен информировал Палату общин об этой инициативе правительства.

Ответ Москвы не заставил себя ждать: уже 23 марта британской стороне сообщили о готовности СССР подписать предложенную Великобританией декларацию, как только ее подпишут Франция и Польша, хотя Москва находит данную меру недостаточно эффективной и предлагает, чтобы к декларации присоединились также балканские, скандинавские и балтийские страны. При этом М. М. Литвинов довел до сведения И. М. Майского, что «без Польши мы не подпишем».⁸

В марте же в Москву был направлен парламентский секретарь по делам заморской торговли Р. Хадсон. Его встречи с советским руководством должны были создать впечатление готовности Лондона не только к оживлению торговых отношений с СССР, но и к общей их активизации. Он даже зондировал реакцию Москвы на создание военного союза, поставив такой вопрос — почему бы советскому правительству не послать в Лондон военную делегацию для обмена мнениями с представителями британского генштаба? Говоря о визите, М. М. Литвинов подчеркивал в письме И. М. Майскому, что «ни в политическом, ни в экономическом отношении он никакого эффекта не дал, а при таких визитах отсутствие положительных результатов должно считаться результатом отрицательным».⁹

Новые акты агрессии в Европе — захват Германией 22 марта Мемеля, а также вторжение Италии в Албанию, начавшееся 7 апреля, — казалось, ясно говорили о том, что проведением политики умиротворения агрессоров не остановить. Следующей жертвой А. Гитлера должна была стать Польша, которой был предложен план «генерального урегулирования», включавший, среди прочего, претензии на Данциг. План вторжения в Польшу («план Вайс»), утвержденный Гитлером 11 апреля, предусматривал начать операцию в любой момент, начиная с 1 сентября. В это тревожное время поддержанный кабинетом министров Н. Чемберлен по традиции продолжал обращаться к Б. Муссолини с выражением «глубокой озабоченности» происходящим, в том числе и поведением Гитлера, надеясь на сдерживающее влияние дуче на Берлин. Сообщив членам кабинета, что в отношении действий Италии существуют четыре варианта ответа со стороны Великобритании, а именно — запрос, протест, угроза и действие, — премьер-министр отдал предпочтение первому варианту.¹⁰ Поэтому неудивительно, что его послание было расценено Римом как подтверждение готовности британского кабинета продолжать мюнхенскую политику.

В начале апреля в Лондоне состоялись англо-польские переговоры. Представлявший польскую сторону министр иностранных дел Ю. Бек приветствовал идею с декларацией, высказавшись при этом против переговоров с Советским Союзом и твердо дав понять, что Польша в таком случае не присоединится к соглашению. Таким образом, инициатива британского правительства по существу провалилась. Стороны решили начать переговоры о заключении англо-польского договора о взаимопомощи. (Этот договор был впоследствии подписан всего за несколько дней до начала войны).

Поскольку Польша и Румыния отказались от международных гарантий с участием СССР, Лондон предложил Москве предоставить этим странам односторонние гарантии военной помощи по примеру Великобритании. Это положило начало «долгим, тщетным и обреченным» на провал англо-советским переговорам.¹¹ Британское предложение было отклонено Москвой, расценившей его как стремление втянуть Советский Союз в войну с Германией один на один, без союзников. Требование Лондона, чтобы Румыния передала Болгарии Добруджу (в качестве своего рода взятки, способной якобы оторвать последнюю от держав «Оси»), было интерпретировано советской стороной как явное стремление «под благовидным предлогом сделать невозможным или, по крайней мере, подольше оттянуть предоставление гарантий Румынии и, таким образом, оставить для Гитлера свободным „коридор“ через Венгрию и Румынию к границам СССР».¹²

Происходящее в Европе не могло не вызывать беспокойства советского правительства, поэтому 17 апреля оно выступило с предложением к Великобритании и Франции заключить полноценный трехсторонний военно-политический союз сроком на 5–10 лет со взаимным обязательством оказывать друг другу немедленную помощь, в том числе и военную. Проект пакта предусматривал также «оказание помощи государствам, расположенным на границе СССР от Балтийского до Черного морей». Формы, размеры и методы помощи должны были быть предусмотрены в военной конвенции, подписываемой одновременно с соглашением.¹³ При обсуждении этого «крайне неудобного» советского предложения членами кабинета (когда надо было делать выбор между зафиксированным на бумаге обязательством СССР в случае войны прийти на помощь Великобритании и «ущербом» от того, что последняя «открыто свяжет себя с Россией») высказывалось мнение, что союзные отношения с Варшавой представляют для Великобритании большую ценность, чем отношения с Москвой. В результате было принято следующее решение: советское предложение неприемлемо, но надо посоветоваться с Парижем.¹⁴ На раздумья и согласования ушло больше месяца.

Разрыв А. Гитлером — в ответ на введение Великобританией всеобщей воинской повинности —

англо-германского морского соглашения, а также польско-германского пакта о ненападении заставил Лондон внести коррективы в свой курс и более благожелательно отнестись к переговорам с СССР. При этом было решено настаивать на первоначальной идее — декларации.

После получения 28 мая положительного ответа на советское предложение стороны перешли к переговорам, которые продвигались крайне медленно, несмотря на заявления британских официальных лиц об отсутствии у правительства принципиальных возражений против такого союза и обещания приложить все усилия для того, чтобы он «возможно скорее стал фактом действительности».¹⁵

Медлительность Лондона не удивляет, если иметь в виду, что он пошел на переговоры только под давлением общественного мнения, которое подвергало курс Н. Чемберлена острой критике. В беседе с И. М. Майским 15 мая лорд У. Бивербрук подчеркивал, что «британское правительство вынуждено будет пойти ему навстречу, ибо самые широкие круги общественного мнения в Англии сейчас стоят за блок с СССР».¹⁶ Именно эта критика, в том числе и со стороны некоторых министров правительства, критика, в которую включился и ряд средств массовой информации, заставила Чемберлена демонстрировать повышенную активность в установлении контактов с Москвой. Так, премьер-министр неожиданно принял приглашение и появился 1 марта на приеме в советском посольстве, что, по словам И. М. Майского, «произвело эффект разорвавшейся бомбы и вызвало шум не только в печати, но и в дипломатических и политических кругах», так как до этого момента ни один британский премьер-министр — ни консерватор, ни лейборист — никогда не переступали порога посольства.¹⁷ Еще одной целью этой показательной акции было намерение «попугать немцев», особенно накануне англо-германских промышленных переговоров, заставить их считаться с интересами Великобритании. В то же время, контакты советского посла с главой Форин Офис в период с ноября 1938 по март 1939 г. практически полностью отсутствовали. Поэтому неудивительно, что Москва относилась к подобным акциям Лондона, равно как и к его инициативам, с достаточной долей скептицизма и недоверия. В письме Майскому от 19 марта М. М. Литвинов подчеркивал: «Мы пять лет на внешнеполитическом поле деятельности занимались тем, что делали указания и предложения об организации мира и коллективной безопасности, но державы игнорировали их и поступали наперекор им. Если Англия и Франция действительно меняют свою линию, то пусть они либо высказываются по поводу ранее делавшихся нами предложений, либо делают свои предложения. Надо инициативу предоставить им». Москва исходила из того, что «пока Чемберлен остается главой правительства, нельзя верить в глупину сдвига в политике Англии и в серьезность ее намерений вести борьбу с агрессорами».¹⁸

Большим раздражителем для премьер-министра был У. Черчилль, который резко усилил свою активность, выступая на разных собраниях и подвергая правительство постоянному давлению. Его призывы к ускорению военных приготовлений встречали широкую поддержку общественности, но заметно расходились с настроениями правительства: Черчилль постоянно говорил об угрозе безопасности страны, в то время как министр внутренних дел и один из «умиротворителей» С. Хор, в частности, отмечал возможность достижения «золотого века», основанного на дружеском сотрудничестве со странами-агрессорами.¹⁹ В своей переписке с премьер-министром и другими членами правительства Черчилль настойчиво предлагал ввести состояние «полной готовности» для средств ПВО, создать национальное правительство (в этом его поддерживали Э. Иден и более 30 членов консервативной фракции парламента), установить контроль британских ВМС над Средиземноморьем и Балтикой, ввести всеобщую воинскую повинность (это, по его мнению, надо было сделать сразу после Мюнхена). В ответ на вторжение Б. Муссолини в Албанию он требовал немедленно оккупировать греческий остров Корфу, однако это не встретило поддержки кабинета. Более того, в составленном для Муссолини послании Н. Чемберлен заверял его в том, что у Великобритании нет планов захвата острова. После заверений итальянского посла в отсутствии у Италии агрессивных намерений в отношении Греции от направления послания Муссолини вообще отказались.

В средствах массовой информации все чаще высказывались предложения включить У. Черчилля в правительство. За это, согласно проведенному в мае газетой «Ньюс Кроникл» опросу, выступало 56% респондентов. В пользу этого высказывался даже член германского правительства граф Шверин фон Крозиг, который в беседе с британскими военными 6 июля указывал, что сам факт его включения в правительство в любом качестве подействовал бы на А. Гитлера отрезвляюще, ибо Черчилля тот действительно боялся, в то время как премьер-министра и главу Форин Офис он ни во что не ставил.²⁰ Кампания в поддержку Черчилля нарастала по мере того, как приближалась война. 18 августа газета «Таймс» опубликовала призыв к премьер-министру 375 сотрудников британских университетов (включая 70 профессоров и шесть руководителей колледжей) включить его в правительство. Однако это не отвечало желанию Н. Чемберлена: он знал об отношении Гитлера к Черчиллю (этому «пугалу № 1 в некоторых частях Европы»²¹) и боялся его реакции. Кроме того, против Черчилля были настроены некоторые влиятельные члены кабинета, разделявшие с премьер-министром надежды на дальнейший успех политики умиротворения. Замученное постоянной критикой Черчиллем правительства, его многочисленными письмами с предложениями и звонками на Даунинг

стрит, 10, руководство консервативной партии даже предприняло попытку отозвать у него мандат, чтобы совсем убрать из парламента, однако эта идея не была поддержана избирателями округа.

У Черчилль начал выступать в пользу сближения с СССР еще до захвата А. Гитлером всей Чехословакии. В мае же 1939 года он опубликовал статью в газете «Дейли Телеграф», в которой, указав, что следующим объектом германской агрессии с высокой долей вероятности будет Польша, призвал поляков согласиться с привлечением к европейским делам России, являющейся, по его мнению, решающим фактором в предотвращении войны.²² (Эта статья была запрещена в Польше.) Опасаясь, что правительство поступит с Польшей так же, как с Чехословакией, в начале мая он обрушился на правительство с критикой за неоправданную задержку в деле начала переговоров с СССР. «Нельзя терять время, — заявил Черчилль. — Уже прошло 10 или 12 дней с момента сделанного Россией предложения (о заключении союза. — *Н. К.*)... Надо не только пойти на полноценное сотрудничество с Россией, но и вовлечь в него три балтийских государства — Литву, Латвию, Эстонию». 19 мая, подчеркнув, что советские предложения «более просты» и «более эффективны», чем предложения кабинета Н. Чемберлена, он предупредил, что «Россия не пойдет на заключение соглашения, если к ней не будут относиться как к равной».²³ В июле Черчилль вновь подверг критике кабинет за «необъяснимую задержку» в деле заключения англо-франко-советского пакта.

Эти взгляды разделяли Э. Иден, который даже предложил главе Форин Офис свои услуги в ведении переговоров в Москве от лица правительства, и члены его группы. На переговорах в Лондоне в апреле 1956 г. в ходе визита в Великобританию советской делегации во главе с Н. С. Хрущевым Иден подчеркивал, что «в то время он был решительным сторонником серьезных переговоров с Советским правительством о необходимости согласованных действий против Гитлера», доверительно сообщив при этом, что глава Форин Офис согласился с его предложением возглавить британскую делегацию, которую следовало направить в Москву, однако этому решительно воспротивился Н. Чемберлен. У Черчилль, по словам Идена, также был против этой идеи, но по другой причине: он считал, что тот не смог бы добиться успеха на переговорах, так как находился в то время в оппозиции к правительству.²⁴

Как отмечал И. М. Майский, «процесс отрезвления консервативных кругов» был весной 1939 г. на полном ходу. В партии и правительстве происходило «непрерывное почкование оппозиционных групп и группочек, постепенно разъедающих правительственное большинство».²⁵ Видный британский политик Д. Ллойд Джордж в беседах с советским полпредом также указывал на рост осознания Консервативной партией необходимости тесного сотрудничества с Советским Союзом, отмечая при этом, что

«кабинет отстает от партийной массы». Он ставил вопрос о заключении договора с Москвой в разговоре с премьер-министром 31 марта, доказывая ему, что никакого «восточного фронта» без активного участия в нем СССР быть не может и что заявление о гарантиях Польше, не подкрепленное таким соглашением, является «безответственной азартной игрой, которая может очень плохо кончиться».²⁶

Согласно Д. Ллойд Джорджу, маневры кабинета в ходе англо-советских переговоров выглядели следующим образом: не желая пакта с СССР против Германии, «умиротворители», с одной стороны, через политические, военные и финансовые каналы давили на Польшу в вопросе о Данциге, с другой — через демонстрацию военных приготовлений, союза с Францией, жесткие заявления стремились припугнуть Германию, заставить ее не доводить дело до войны из-за Данцига.

«Если этот маневр удастся, — заявил бывший лидер либералов И. М. Майскому 14 июня, — и германская агрессия либо на время вообще приостановится, либо повернет своим острием в каком-либо ином направлении, не вызывающем для Англии необходимости выполнять данные ею европейским государствам обязательства, то потребность в срочном заключении пакта с СССР ослабнет и Чемберлен получит возможность еще раз попытаться договориться с агрессорами или, в крайнем случае, надолго затянуть подписание договора с советским правительством».²⁷

По мнению крупнейшего российского англоведа В. Г. Трухановского, Лондон рассматривал возможность союза с Москвой в качестве веского аргумента, который «заставит Гитлера быть более сговорчивым и тем самым будет способствовать дальнейшему проведению мюнхенской политики».²⁸ В целях оказания давления на Германию с тем, чтобы Гитлер поверил в серьезность намерения Великобритании воевать из-за Польши, Лондон предпринял такой маневр: по указанию Э. Галифакса, сообщавшая об этом телеграмма была специально отправлена в мае в Берлин Н. Гендерсону таким шифром, который немцы читали. Однако это уже не имело значения: к тому времени Гитлер твердо решил воевать с Великобританией и Францией.

Еще одним побудительным мотивом в пользу переговоров с СССР о создании тройственного союза, разделявшимся членами кабинета министров, было опасение, что в противном случае СССР не останется нейтральным и пойдет на сближение с Германией. Эти соображения звучали достаточно часто при обсуждении вопросов, связанных с заключением пакта. Так, в частности, министр по вопросам координации обороны лорд Э. Чэтфилд, выражая мнение многих своих коллег, заявил 16 мая на заседании комитета по внешней политике при кабинете: «Если из страха заключения союза с Россией мы толкнем эту страну в германский лагерь, мы совершим ошибку с роко-

выми и далеко идущими последствиями».²⁹ Замена в начале мая наркома иностранных дел М. М. Литвинова на В. М. Молотова вызвала настоящую панику в британском внешнеполитическом ведомстве — не означает ли это отказ СССР от сотрудничества с Великобританией и Францией и — как результат — сближение с Германией, чего панически боялся Лондон. На заседании внешнеполитического комитета 4 июля Н. Чемберлен особо подчеркивал, что главной целью ведущихся с советским правительством переговоров является «предотвращение обязательств России с Германией». «Нейтральный» статус России в конфликте Великобритании и Германии также, по мнению комитета начальников штабов, был крайне нежелательным, ибо это «позволило бы ей доминировать после прекращения подобного конфликта».³⁰

Сам премьер-министр не скрывал от коллег негативного отношения к пакту с СССР, к которому он относился «с подозрением», мотивируя свою позицию как возможными возражениями со стороны некоторых доминионов, так и нежеланием Польши и Румынии принять такие гарантии. Так, на заседании 19 мая он ссылаясь на мнение министров иностранных дел упомянутых стран, которые в частных беседах указывали на то, что «тесная связь Великобритании с Россией будет означать и связь Польши и Румынии с Россией», что, по их мнению, только приблизило бы войну. И Н. Чемберлен, и Э. Галифакс делали публичные заявления о невозможности навязывания каких-либо гарантий кому-либо. Высказывались также опасения, что подобный пакт подорвет позиции умеренных элементов в руководстве Германии и объединит ее «как ничто другое».³¹

На втором этапе трехсторонних переговоров 26 мая СССР было сделано англо-французское предложение предоставить гарантии безопасности Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции. Контрпредложение Москвы дать гарантии прибалтийским государствам было отвергнуто. Более того, поддержанный Парижем Лондон стал «умышленно запутывать» этот вопрос: в то время как Эстония и Латвия сообщили, что готовы принять помощь СССР, Э. Галифакс заявлял И. М. Майскому об их категорическом несогласии.³² На заседаниях комитета по внешней политике Н. Чемберлен убеждал коллег в необходимости отказа Великобритании от гарантий прибалтийским государствам.³³ Такая позиция расценивалась советской стороной как прямое указание Германии, в какую сторону ей следует двигаться, не рискуя встретить сопротивление западных держав.

Британское (и французское) предложение о пакте, согласно сообщению заместителя наркома иностранных дел С. А. Лозовского В. М. Молотову от 27 мая, было составлено «по всем правилам юридического крючкотворства... Кроме пунктов, в которых явно просачивается настороженность, недоверие и желание использовать СССР, ничего не давая ему, имеются пункты, в которых эти же намерения глубоко прикры-

ты ничего не значащими и двусмысленными фразами». (Так, например, взамен немедленной помощи в случае агрессии СССР предлагались — со ссылками на статью 16 пакта Лиги наций со всей сложностью процедуры — консультации с последующей дискуссией. Таким образом, как указывала советская сторона, создавалась ситуация, когда Москва будет подвергаться бомбардировкам в то время как, скажем, Боливия сможет заблокировать принятие действенных мер по прекращению агрессии. — *Н. К.*) «Кроме того, — подчеркивал Лозовский, — проект декларации умалчивает о некоторых весьма важных вещах. Все это вместе взятое делает невозможным принятие этого проекта». Заместитель наркома предложил радикально переделать текст, «изъяв из него все двусмысленности и ловушки, недоговоренности и умолчания».³⁴

Документы показывают, что в ходе обсуждения британским руководством вопроса о заключении трехстороннего пакта красной нитью проходит мысль — не оказаться втянутыми в войну. Согласно заявлению британского посла в Москве У. Сидса, сделанному в беседе с В. М. Молотовым 8 мая, задачей Лондона было «не допускать чего-либо такого, что Германией могло быть истолковано, как провоцирование агрессии с ее стороны и, вместе с тем, принимать меры к созданию барьера против агрессивных действий». При этом Сидс уклонился от обсуждения вопроса о дополнении совместной декларации какой-либо военной конвенцией, заметив, что это дело будущего.³⁵ На заседании кабинета 16 мая было подтверждено общее мнение: попытаться не вступать в союз, а ограничиться (ни к чему не обязывающей. — *Н. К.*) декларацией. Впоследствии, полагая, что СССР не посмеет прервать переговоры, было решено занять на них жесткую позицию.³⁶ Н. Чемберлен не скрывал от коллег, что допускает возможность прекращения переговоров с Советским Союзом, в то время как другие члены кабинета считали, что их прекращение будет расценено Германией как «поощрение к (дальнейшему) насилию».³⁷

Без конкретизации в военном соглашении все мелкие «уступки» Лондона Москве в вопросе заключения пакта сводились на нет. Понимая, что Запад ведет двойную игру, В. М. Молотов на встрече с У. Сидсом и временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром 27 мая довольно жестко заявил, что «англо-французский проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР. Англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, как разговорами о нем».³⁸

Вместе с тем, целый ряд моментов говорил в пользу того, что Великобритании все-таки придется продолжать переговоры. Во-первых, таково было желание

общественного мнения, которое, как хорошо понимали члены кабинета министров, просто не приняло бы отказ от переговоров с Москвой перед лицом столь явной угрозы со стороны Германии. Обращая внимание на медлительность правительства, британские газеты отмечали, что «его точка зрения сейчас более чем когда-либо не поддается пониманию». «Чем скорее наше правительство заключит этот союз, — указывала, в частности, „Дейли Экспресс“, — тем скорее оно пойдет в ногу с общественным мнением страны».³⁹

К продолжению переговоров британскую сторону побуждала Франция, которая, идя на поводу у Лондона в более широком плане, в данном вопросе по понятным причинам занимала более вразумительную позицию. Париж понимал, что бремя британских гарантий Польше (по причине отсутствия у Великобритании необходимых сухопутных сил) ляжет в основном на него, поэтому Франция была готова действовать в отношении трехсторонних переговоров о заключении союза более конструктивно. Разъясняя эту позицию, Э. Галифакс сообщал коллегам 19 мая об обеспокоенности Парижа задержками в переговорах с Москвой, которая, как там считали, «плохо сказывалась на Германии и Италии». Опасаясь войны с последними, французский министр иностранных дел Ж. Бонне через британского посла в Париже Э. Фипса поспешил заявить о безусловной поддержке Парижем формулировок будущего пакта, «которые правительство Его Величества решит представить советскому правительству», что было расценено Галифаксом как «подписание чека, на котором не проставлена сумма».⁴⁰

Обеспокоенность затягиванием переговоров звучала в телеграмме Ж. Бонне послу в Великобритании Ш. Корбену от 19 июля. В ней подчеркивалось, что «своими колебаниями накануне решающей фазы переговоров британское правительство рискует подорвать не только судьбу соглашения, но и саму консолидацию нашей дипломатической и стратегической позиции в Центральной Европе. Последствия провала, вызванного чрезмерно категоричной позицией в последний момент, были бы таковы, что французское правительство не может испытывать колебания в необходимости в самом срочном порядке обратить на них внимание английского правительства с тем, чтобы оно взвесило всю ответственность, которую мы взяли на себя, подвергаясь риску разрыва или длительной приостановки переговоров».⁴¹ В его письме, направленном тогда же Э. Галифаксу, подчеркивалось: «...Мы вступаем в решающий момент, когда, как нам кажется, нельзя ничем пренебрегать, чтобы достичь успеха. Не следует скрывать губительные последствия не только для наших двух стран, но и для сохранения мира, которые повлечет за собой провал ведущихся переговоров. Я даже опасюсь, как бы это не стало сигналом для акции Германии в отношении Данцига». И далее: французская сторона считает, что «в этих условиях чрезвычайно важно прийти к завершению

переговоров, успех которых представляется нам сегодня одним из основных условий сохранения мира».⁴² Именно давление со стороны общественного мнения, а также со стороны Франции заставило Лондон сделать важный шаг: 8 июня СССР было сообщено, что в целях скорейшего заключения трехстороннего договора Великобритания считает целесообразным вместо обмена нотами на расстоянии, что неизбежно вызывает потерю времени, перейти к переговорам «за круглым столом» в советской столице.

Следующий раунд переговоров состоялся в Москве с 15 июня по 2 августа. Уровень представительства с британской стороны подтверждал отсутствие у Лондона намерения серьезно договариваться: Великобритания была представлена послом У. Сидсом и директором восточноевропейского департамента Форин Офис У. Стрэнгом, в то время как Советский Союз представлял нарком иностранных дел В. М. Молотов. Кстати, Париж признавал, что «советское правительство может быть оскорблено тем, что не нашлось фигуры поважнее Стрэнга, чтобы направить в Москву».⁴³ На это также обращал внимание и У. Черчилль, ожидавший, что британская сторона будет представлена по крайней мере главой Форин Офис. (Напомним, что в 1938 г. на поклон к А. Гитлеру трижды ездил сам премьер-министр). Однако Э. Галифакс проигнорировал намеки И. М. Майского на желательность его приезда в Москву, сославшись на большую занятость дома. Как считают В. Г. Трухановский и Д. Флеминг, направление в СССР чиновника низкого ранга было «тройным оскорблением», так как Стрэнг к тому же защищал британских инженеров, в 1933 г. обвиненных в СССР в шпионаже, а также входил в группу сопровождавших премьер-министра в его поездке в Мюнхен.⁴⁴

Трехсторонние дискуссии проходили в обстановке взаимного недоверия. Основным яблоком раздора был список европейских государств, которым стороны предполагали дать свои гарантии: в то время как СССР согласился дать гарантии пяти государствам — Польше, Румынии, Греции, Бельгии и Турции (Лондон снял свое требование к Москве дать гарантии также Нидерландам и Швейцарии, с которыми у СССР даже не было дипломатических отношений), Великобритания отказывалась дать гарантии прибалтийским государствам — Латвии, Эстонии, Финляндии. Такая позиция мотивировалась категорическим отказом вышеупомянутых стран принимать какую-либо помощь Советского Союза. Что касается советской стороны, то она рассматривала сохранение их независимости и нейтралитета в качестве своего важнейшего внешнеполитического приоритета и поэтому болезненно отнеслась к нежеланию Лондона пойти навстречу ее позиции в данном вопросе. В телеграмме полпредам СССР в Великобритании и Франции от 16 июня В. М. Молотов подчеркивал, что «англичане и французы хотят заключить с нами договор, выгодный им и невыгодный нам, т. е.

они не хотят серьезного договора, отвечающего принципу взаимности и равенства обязательств». ⁴⁵ Эту точку зрения разделяют и западные историографы, в частности А. Тейлор, который отмечал намерение британского правительства «включать и выключать» русскую помощь по своему желанию «как электрический выключатель, причем, только оно да еще, может быть, поляки должны были иметь право поворачивать этот выключатель». ⁴⁶ Кстати, У. Черчилль полагал требование СССР совершенно справедливым. В своем выступлении в июле в «Карлтон Сити клуб», посвященном международному положению и политике Великобритании в связи с ним, он, в частности, сказал следующее: «Полный и прочный альянс с Россией должен быть заключен без дальнейшего отлагательства. Требования русских о том, что мы все должны совместными усилиями оказывать сопротивление агрессии, направленной против балтийских государств, кажутся мне справедливыми и резонанными, и я не могу понять, почему мы колебались на протяжении всех этих недель». ⁴⁷

На неоправданное затягивание переговоров по вопросу заключения трехстороннего пакта обращала внимание британская пресса. Так, например, газета «Ньюс Кроникл» в номере за 8 июля дала в данной связи следующую карикатуру: в затканной паутиной комнате в окружении десятков томов британских «предложений» за 1939–1950 гг. изображен сидящий в кресле одряхлевший Чемберлен, который с помощью усиливающей звук трубки разговаривает с Галифаксом. Глава Форин Офис сообщает ему о том, что только что отправил последнее предложение. В роли курьеров выступают две черепахи, одна из которых только что вернулась из Москвы, а другая направляется туда с новыми предложениями. «Что мы будем делать дальше?» — спрашивает Галифакс. «О да, по года прекрасная», — отвечает ему Чемберлен. ⁴⁸

Камнем преткновения на трехсторонних переговорах в Москве являлся вопрос о косвенной агрессии. Именно косвенная агрессия стала своего рода «визитной карточкой» А. Гитлера, предпочитавшего не применять военную силу в деле расширения жизненного пространства Германии, а использовать для этого пронацистские настроения многочисленных немецких общин, проживавших на территории целого ряда европейских стран, в том числе и в Прибалтике. Поэтому для Москвы этот вопрос не был праздным. Однако, не возражая против правомерности самой постановки вопроса о косвенной агрессии, Лондон настаивал на ее определении в качестве утраты тем или иным государством независимости или нейтралитета вследствие угрозы применения силы со стороны агрессора. ⁴⁹

Великобритания упорно отказывалась от гарантий прибалтийским государствам, причем ряд британских и французских газет обвиняли Советский Союз в намерении сорвать переговоры. Лишь после того, как 16 июня СССР заявил, что этот отказ

угрожает срывом всего вопроса о гарантиях каким-либо государствам, Лондон согласился в своих предложениях от 1 июля включить их в общий список. Чтобы не спровоцировать протесты со стороны не желающих принимать помощь СССР, стороны договорились перечислить все восемь стран, которым давались гарантии, в специальном секретном протоколе. Британская сторона имела также «серьезные возражения» против статьи 5 советского проекта договора (не заключать перемирия и не подписывать мирного договора иначе, как с общего согласия). ⁵⁰

Ведя переговоры в Москве, Н. Чемберлен отнюдь не собирался отказываться от политики умиротворения. В связи с претензиями Германии к Польше из-за Данцига на заседании внешнеполитического комитета 4 июля обсуждался вопрос о том, как можно удовлетворить аппетиты А. Гитлера, не прибегая к войне. «Не пойдет ли Гитлер на особый статус для Данцига? — спрашивал Чемберлен. — Например, если Германия согласится на демилитаризацию Данцига, может быть договориться, чтобы Данциг имел своего представителя в Рейхстаге, чтобы Гитлер мог заявить, что Данциг является свободным городом в рамках Рейха?». Принимавший участие в заседании посол в Варшаве Х. Кеннард несколько охладил пыл премьер-министра, указав, что атмосфера в Варшаве делает такие переговоры невозможными, что, однако, не исключает возможности вернуться к этой идее позже, когда «атмосфера улучшится». После всестороннего обсуждения этого вопроса было решено направить в Варшаву высокопоставленного военного, чтобы на месте выяснить реакцию Польши на захват Данцига, а также чтобы «удержать поляков от опрометчивых и резких действий». ⁵¹ В беседе с лордом Кэроузом премьер-министр сообщил, что если бы Гитлер попросил Данциг «обычным путем, то это можно было бы организовать». ⁵²

Еще одним острым моментом было расхождение сторон в вопросе дополнения политического договора военной конвенцией. Москва выступала за одновременность подписания военной конвенции, в которой бы были определены конкретные формы, методы и размеры взаимной помощи, в то время как Лондон был заинтересован, прежде всего, в политическом договоре, который бы связал СССР определенными обязательствами, и совсем не желал военной конвенции. На заседании внешнеполитического комитета 10 июля Н. Чемберлен заявил, что хотя ему «очень не нравится предложение провести переговоры по военным вопросам», на это придется пойти, так как в противном случае правительство столкнется с большими трудностями (имея в виду, что этого не понял бы народ — Н. К.). В любом случае, премьер-министр, по его словам, не придавал бы этим переговорам большого значения. Говоря о позиции Франции, Чемберлен указывал, что она существенно отличается: французы готовы пойти на подписание военной конвенции, так как опасаются, что «провал

в деле достижения соглашения будет означать, что не будет подписано и политическое соглашение». Взгляды Парижа также «более эластичны» в вопросе косвенной агрессии в отношении балтийских государств.⁵³ Глава Форин Офис также признавал, что «французов будет трудно уговорить принять нашу точку зрения» относительно перспектив подписания договора и что они «придут в ужас от одного только предположения об отсрочке» на переговорах. (Последнее заявление было сделано Н. Галифаксом при обсуждении вопроса о том, не следует ли отозвать У. Стрэнга в Лондон для консультаций).⁵⁴

Компромисс все же был найден, и 23 июля британская и французская стороны согласились, чтобы политическое и военное соглашение вступали в силу одновременно. Это позволило перейти к решающей стадии — военным переговорам, на которые 25 июля после совещания в рамках «большой четверки» (Н. Чемберлен, Н. Галифакс, Дж. Саймон, С. Хор) согласился Лондон. Британцы делали все, чтобы охладить пыл французов, готовых начать военные переговоры незамедлительно, и настояли на том, чтобы военные делегации отправились в Москву морем. На заседании внешнеполитического комитета 1 августа был выбран именно такой способ проезда в столицу СССР. Члены кабинета министров пришли к единому мнению, что «лишние дни в пути большого значения не имеют».⁵⁵

Переговоры военных миссий проходили в Москве с 12 по 21 августа. Великобритания была представлена «второстепенными» деятелями — комендантом Портсмута отставным адмиралом Р. Дрэксом (глава делегации), генералом Т. Хейвудом и маршалом Ч. Барнеттом (выдающимся летчиком, но не стратегом). Советскую же делегацию возглавлял нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов. На первом заседании выяснилось, что, в отличие от французского представителя генерала Ж. Думенка, адмирал Дрэкс вообще не имел письменного мандата. Это поразило даже немцев. В телеграмме германского посла в Великобритании Г. Дирксена в центр от 1 августа отмечался «поразительный скепсис английских военных в отношении предстоящих переговоров», которые, по убеждению посла, велись с британской стороны «главным образом с той целью, чтобы получить, наконец, представление о действительной боевой мощи советских вооруженных сил. Имеющиеся до сих пор у англичан немногочисленные данные не исключают возможности того, что доклад военной делегации, которая должна быть послана в Москву, будет негативным. Это впечатление усиливается благодаря тому, что... ни один из трех представителей вооруженных сил не имеет подготовки, которая дала бы ему возможность вести переговоры специально по оперативным мероприятиям. Однако все три господина являются фронтовыми офицерами, которые вследствие этого обладают вполне наметанным взглядом для суждения о боеспособности какой-либо части и ее оснащении пригодными для ведения войны материалами».⁵⁶

Такое нарушающее общепринятые дипломатические нормы представительство на переговорах не могло быть расценено советской стороной иначе, чем неуважение к партнеру. Неудивительно, что переговоры проходили в атмосфере глубокого недоверия к Парижу и Лондону со стороны Москвы.

Р. Дрэкс сообщил, что в случае надобности он запросит Лондон и полномочия будут предоставлены ему в короткий срок. На самом деле полученные адмиралом секретные директивы заключались в том, что военные переговоры следует вести параллельно политическим переговорам и «как можно медленнее». «Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками»⁵⁷ до тех пор, пока не будут урегулированы «последние расхождения во взглядах по политической части соглашения». Лондон рассчитывал на то, что затягивание (по крайней мере, до середины осени) переговоров, которые задумывались как сдерживающее А. Гитлера средство, не позволит Германии из-за осенней распутицы развязать войну против Польши, а когда опасность пройдет — можно будет со спокойной совестью уклониться от принятия обязательств по оказанию военной помощи СССР.

Посол Франции в СССР П. Наджиар, сообщая в Париж об инструкциях Р. Дрэкса, подчеркивал, что они «противоречат тому, о чем было договорено между тремя правительствами (проводить военные переговоры одновременно с доработкой того, что остается урегулировать в политических переговорах)», и что «они могут очень навредить, если только британское правительство не намерено аннулировать уже достигнутые столь важные результаты и тайно не хочет провала переговоров, о желании успеха которых оно заявляло публично». Зная «независимость и патриотизм» адмирала Р. Дрэкса, французская делегация рассчитывала, что, несмотря на неловкость своего положения, он будет действовать «во имя лучшего, вопреки данным ему инструкциям».⁵⁸

Наиболее острым вопросом на переговорах военных миссий, который неоднократно ставился советской делегацией, был вопрос о свободном пропуске Красной Армии к театру военных действий с Германией через территорию Польши и Румынии. Признавая в частном порядке законность постановки этого вопроса Москвой, британская сторона, равно как и французская, уклонялись от прямого ответа, мотивируя свою позицию тем, что вышеупомянутые страны являются самостоятельными государствами, и потому ответ на этот вопрос должен быть получен от них. После обмена информацией о состоянии вооруженных сил и стратегических планов участников переговоров К. Е. Ворошилов указал на абстрактность изложенных партнерами

принципов организации обороны, которые никого и ни к чему не обязывали. Пока советская сторона не получит ответа на «кардинальнейший» вопрос о пропуске войск через территории Польши и Румынии, о котором британская и французская миссии запросили свои правительства, всякая предварительная работа, по его словам, «представлялась до известной степени бесполезной».⁵⁹ СССР расценил уклонение англо-французской стороны от обсуждения данного вопроса как ее стремление «поставить СССР в положение гаранта, который приходит на поле битвы не в наиболее благоприятных условиях и с заранее обдуманым планом действий, а тогда, когда его позовут, т.е. в случае провала и, может быть, паники в лагере „гарантированного“ им государства».⁶⁰ Однако Р. Дрэк не мог сообщить ничего обнадеживающего относительно сроков получения ответа на этот вопрос из Лондона.

Столкнувшись с явным стремлением партнеров затягивать переговоры как можно дольше, советская сторона на встрече 17 августа предложила объявить перерыв на неопределенный срок — вплоть до получения из Лондона и Парижа внятного ответа на поставленные вопросы (предполагалось, что это может произойти уже 21 августа).

Слухи о возможном советско-германском сближении, вызвав «лихорадочную активность» на Уайтхолле, заставили британскую сторону действовать более активно. В ходе серии консультаций между членами кабинета министров, а также с французами было решено оказать давление на Польшу и Румынию, заставив их пойти навстречу предложениям Москвы. Будучи союзником Варшавы, Лондон, безусловно, располагал средствами, способными убедить ее пойти на сотрудничество с Москвой в интересах поддержания мира в Европе (а также в ее собственных интересах). Упорство польской стороны в вопросе прохождения советских войск через ее территорию было только на руку Н. Чемберлену, не желавшему союза с СССР и упорно надевавшемуся на сделку с А. Гитлером.

На заседании 21 августа адмирал Р. Дрэк сообщил о получении им письменных полномочий от центра, однако ответа на главный вопрос по-прежнему не было. В этом свете западным делегациям было предложено сделать перерыв не на 3–4 дня, а на неопределенный срок, при этом, как сказал К. Е. Ворошилов, «если ответы будут отрицательными, то вообще нет смысла собираться». В ответ Дрэк считал заявление о снятии британской и французской стороной с себя ответственности за отсрочку на переговорах, указав, что они готовы возобновить работу совещания в любой момент.⁶¹

Затягивание англо-франко-советских переговоров и крайне медленный прогресс на них объяснялся тем, что все эти месяцы Лондон не оставлял попыток заключить с Германией «всеобъемлющее» соглашение, а переговоры о союзе с СССР были для него своего рода страховкой на случай неудачи.

Содержание англо-германских переговоров, которые имели полуофициальный характер и велись параллельно с англо-франко-советскими в основном через доверенных лиц (дипломатов, чиновников и посредников из нейтральных стран, в частности шведского коммерсанта Б. Далеруса), держалось в тайне, но и того, что просачивалось в печать, было достаточно, чтобы подтвердить подозрения Москвы не только в неискренности Лондона, но и в его вероломстве. Центральное место на этих переговорах занимали совещания доверенного лица Н. Чемберлена, его главного промышленного советника Х. Вильсона, а также Р. Хадсона с чиновником по особым поручениям при Г. Геринге Г. Вольгатом, проходившие 18–21 июля 1939 г. в Лондоне. Все беседы проводились по инициативе британской стороны и с ведома посла Германии Г. Дирксена.

Х. Вильсон — этот «злой гений» премьера,⁶² помогавший ему проводить политику умиротворения, — был не просто чиновником, а близким другом Н. Чемберлена, человеком, полностью разделявшим его взгляды и действующим с ведома и по указанию шефа. (Они были настолько близки, что Вильсон позволял себе фамильярность по отношению к премьер-министру, обращаясь к нему следующим образом: «Нэвил, дорогой...».) Это подтверждалось его заявлением о том, что если понадобится уточнение формулировок, он «может обещать, что уже сегодня или завтра будет изложено ответственное заявление премьер-министра».

Предложенная германской стороне широкая программа переговоров включала в себя подтверждение подписанной в Мюнхене декларации о ненападении между Великобританией и Германией (не заключение пакта о ненападении, а «общее провозглашение политического принципа, в соответствии с которым обе страны отказываются от использования нападения как средства политики»), а также «заявление о взаимном невмешательстве Германии по отношению к Британскому содружеству наций и Великобритании по отношению к Великой Германии».

Военная часть должна была состоять из «германо-английского заявления об ограничении вооружений и совместной политике по отношению к третьим странам, соглашений о военно-морском флоте, военно-воздушных и сухопутных силах» с учетом «особых стратегических и военных условий Британской империи и особого стратегического положения великогерманского рейха в Центральной Европе». Экономический раздел предложенного Вильсоном германской стороне проекта был разработан наиболее тщательно. Речь шла о создании англо-германского экономического союза. Германии предлагалось широкое экономическое сотрудничество двух стран не только в Европе, но и по всему миру, сотрудничество, которое должно было охватить Китай (здесь предполагалось содействие Японии), СССР (!) и даже Британскую империю (в частности Индию, Южную Африку, Канаду,

Австралию). Что касается колоний и подмандатных территорий, то правительство Н. Чемберлена было готово выступить со специальным германо-английским заявлением «о принципиальном пересмотре соответствующих положений Версальского договора». Идея совместного колониального освоения Африки заключалась в создании «колониального кондоминиума», на территории которого предлагалось «по единой системе организовать разработку сырья и продовольствия, осуществить капиталовложения и вести внешнюю торговлю, упорядочить валюту и транспортную сеть, административное управление, а также военный и полицейский контроль». Германии были также обещаны урегулирование ее долгов и предоставление кредитов.⁶³

Создание экономического союза, контуры которого были определены в подписанном в марте Дюссельдорфском соглашении между Конфедерацией британской промышленности и Имперским союзом германской промышленности, должно было стать основой для достижения широкой англо-германской договоренности. План «всеобъемлющего» соглашения с Германией по существу означал экономический раздел всего мира. Лондон был готов признать доминирование Берлина в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе, отказаться от гарантий Польше и Румынии, а также обещал оказать давление на Францию, заставив ее аннулировать договор о взаимопомощи с Советским Союзом и отказаться от поддержки стран Юго-Восточной Европы. Посол Германии в Лондоне Г. Дирксен после бесед с Х. Вильсоном вынес убеждение, что «возникшие за последние месяцы связи (Великобритании. — Н. К.) с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией».⁶⁴ «Дружественные державы» — Францию и Италию — предлагалось «информировать» и «в случае, если бы было сочтено желательным», «привлечь позднее». По существу, Великобритания выразила полную готовность сдать своего главного европейского союзника на милость А. Гитлера, низведя его до положения третьеразрядной державы. Видя соглашательскую позицию Лондона и идущего у него на поводу Парижа, называвший Н. Чемберлена и Э. Даладьё «жалкими червями» Гитлер все более убеждался в том, что они не отважатся воевать с Германией.

Содержание переговоров британцев с немцами не было такой уж «тайной за семью печатями» для французов. Так, в частности, П. Наджиар сообщал на Ке-д'Орсе 31 июля о том, что «предложения Хадсона («соглашение между основными европейскими державами по извлечению пользы из районов мира, представляющих интерес для предприимчивых народов») были в Германии отклонены. «Нужно было совершенно не знать доктрину, которой пронизана вся жизнь Гитлера, чтобы полагать, что он будет прельщен пред-

ложением, которое в его глазах является проявлением моральной слабости и менталитета деловых людей, которых он презирает», — указывал посол, выражая при этом удивление тем, что «британский министр, имеющий опыт дипломатической и парламентской карьеры, опыт крупных дел, побывавший в Москве весной с официальной миссией, счел возможным делать без мандата подобные предложения Германии в тот момент, когда кабинет, членом которого он является, решает вопрос о направлении миссии экспертов в Москву в целях заключения военной конвенции. В этих условиях мы не должны удивляться недоверию со стороны советских участников переговоров».⁶⁵ Посол наивно полагал, что Р. Хадсон действует исключительно по своей инициативе, а не согласно директивам своего правительства.

Москва также располагала надежной информацией о ведущихся англо-германских переговорах и поднимавшихся на них вопросах. Эта двойная игра Н. Чемберлена мешала московским переговорам и не могла не отравлять англо-советские отношения.

Британский премьер-министр отлично понимал, что его стремление договориться с А. Гитлером противоречило общественным настроениям. В беседе с послом Германии Г. Дирксеном 3 августа Х. Вильсон особо отметил, что «переговоры с германским правительством связаны для Чемберлена с большим риском. Если о них что-либо станет известно, то произойдет грандиозный скандал, и Чемберлен, вероятно, будет вынужден уйти в отставку. Депутат-лейборист Долтон уже указал вчера в Палате общин на слухи о новых чемберленовских „попытках умиротворения“, а сам Вильсон получил анонимное письмо, в котором его и премьера «предостерегали от подобных маневров». Чтобы склонить общественность к принятию англо-германской сделки, Лондон обратился с просьбой к Гитлеру выступить с «умиротворяющим заявлением». Он может это сделать, — подчеркивал Вильсон, — так как «является не только великим, но и преуспевающим государственным деятелем, который, в сознании своей силы и достигнутых успехов, может сказать свое слово, не подвергая опасности свой престиж и не боясь внутренних потрясений».⁶⁶ Вину же за срыв трехсторонних переговоров, по-видимому, собирались возложить на советскую сторону.

Предложения Х. Вильсона Г. Вольтату настолько компрометировали консервативное правительство, что врученный германской стороне меморандум от 18 июля, написанный на бланке резиденции премьер-министра, не был включен в опубликованный впоследствии сборник британских документов того периода, и о нем стало известно лишь благодаря германским документам.

Надеясь на заключение сделки с А. Гитлером, Н. Чемберлен не знал, что война на Западе была для того уже решенным делом. Специальный представитель Лиги наций К. Буркхарт после встречи с Гитлером в августе записал в своем дневнике, что

фюрер, поддавшись порыву, поделился с ним своими дальнейшими планами, сообщив, что заключит соглашение с Москвой, нанесет поражение Западу, а затем повернет против России.⁶⁷ Эту информацию не передали ни Лондону, ни Парижу, и о планах Берлина британцам стало известно лишь за несколько дней до войны.

Косвенным подтверждением готовности кабинета Н. Чемберлена к срыву или по крайней мере замораживанию переговоров с Москвой являлось решение премьер-министра в сложной международной обстановке конца лета 1939 г. распустить (до октября) на каникулы парламент. По всей видимости, это делалось для того, чтобы, избавившись от постоянных нападков со стороны оппозиции, получить большую свободу действий. Призывы У. Черчилля перенести продолжение работы парламента с 3 октября на 21 августа оказались напрасными: премьер-министр заявил, что расценит голосование по этому вопросу как вотум недоверия правительству, поэтому предложение Черчилля не получило достаточной поддержки. Чемберлен даже позволил себе в выходные (19–20 августа) поохотиться в Шотландии, и лишь телеграмма посла из Берлина, в которой тот сообщал, что война должна начаться уже через 6 дней, заставила его спешно вернуться в столицу. С подачи Н. Гендерсона было принято решение пригласить в Лондон Г. Геринга, переговоры с которым без лишнего шума предполагали провести в загородной резиденции премьер-министра. Визит был намечен на 23 августа, однако А. Гитлер посчитал нецелесообразным проводить эту встречу, дав 24 августа отрицательный ответ.

Слух о предстоящем приезде И. фон Риббентропа в Москву, который произвел ошеломляющий эффект в европейских столицах, толкнул союзников на принятие уже запоздалого решения. 22 августа генералом Ж. Думенком (но не адмиралом Р. Дрэксом) был получен положительный ответ французского правительства: оно согласилось на пропуск советских войск в тех точках, которые определит Москва. (В Париже было принято решение обойти упорство Польши и дать «принципиальное» согласие от ее имени.) Думенк поспешил сообщить об этом главе советской делегации, который в беседе с ним 22 августа указал, что без ответа британского правительства трудно будет продолжать переговоры. Кроме того, он выразил сомнение в том, что западные партнеры согласовали этот вопрос с Польшей (в этом случае она сама бы пожелала принять участие в переговорах в Москве). На приеме по случаю отъезда западных делегаций, состоявшемся 25 августа, К. Е. Ворошилов отмечал, что «польская пресса и отдельные политические деятели особенно энергично и непрерывно заявляли о том, что они не нуждаются ни в какой помощи со стороны СССР. В этих условиях рассчитывать на успех наших переговоров, разумеется, было невозможно».⁶⁸

Позиция Великобритании загоняла Москву в тупик, и она вынуждена была договариваться с Германи-

ей: не приняв предложения Берлина подписать пакт о ненападении, СССР мог столкнуться с перспективой войны на два фронта — с Германией и Японией. Это было сделано только после того, как были исчерпаны все возможности договориться с Парижем и Лондоном. «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, — сказал К. Е. Ворошилов 27 августа в интервью газете „Известия“, — а, наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате между прочим того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий».⁶⁹

Подписание пакта Риббентропа–Молотова вызвало в британских правящих кругах взрыв негодования. Оно и понятно: это был мощный удар по близорукой политике Н. Чемберлена, который сорвал его стремление договориться с А. Гитлером за счет СССР. Вот как прокомментировал это событие У. Черчилль: «Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной».⁷⁰

В шифротелеграмме в центр от 29 августа британский посол У. Сидс сообщал, что «известие о подписании пакта Риббентропа–Молотова произвело на нас и на всех зарубежных обозревателей эффект разорвавшейся бомбы». Выразив признательность главе Форин Офис за разрешение «после месяцев терпения и самоконтроля» обвинить Молотова в вероломстве, он признает, что инициатива подписания пакта (причем, многократно проявленная. — Н. К.) исходила от Германии и что советское правительство не знало о существовании тех предложений, которые Риббентроп привез в Москву.⁷¹

В сложившихся условиях Великобритании не оставалось ничего иного, как попытаться сохранить лицо. Невыполнение обязательств в отношении Польши было бы расценено в мире как полная капитуляция перед Германией, что самым катастрофическим образом сказалось бы на ее влиянии в Европе. Поэтому, проявив последовательность, она подписала 25 августа договор о взаимопомощи с Польшей, который, в отличие от имевшейся у нее на переговорах с Москвой реальной возможности остановить агрессию со стороны Германии, уже не мог повлиять на развитие событий.

При этом британские деятели вплоть до последнего не прекращали попытки договориться с А. Гитлером по типу Мюнхена. Эти переговоры велись по двум каналам: через посла в Берлине Н. Гендерсона, оправдывавшего в своих телеграммах в центр весьма

«умеренного», по его мнению, в требованиях к «нецивилизованным» полякам Гитлера, а также через шведского посредника Б. Далеруса, с лихорадочной активностью совершавшего челночные визиты из Лондона в Берлин и обратно. Он же передавал послания Э. Галифакса и Н. Чемберлена Г. Герингу и А. Гитлеру. Посредник докладывал в Форин Офис, что Геринг считает проведение второго Мюнхена «хорошей идеей» и обещал доложить о ней фюреру.⁷² В качестве сильного средства, которое может повлиять на развитие событий в свете возможного заключения советско-германского пакта, посол предлагал, чтобы Чемберлен обратился с личным посланием к Гитлеру (желательно на немецком языке).

Лондон продолжал обращаться также к Б. Муссолини с просьбами оказать влияние на А. Гитлера, чтобы тот в обмен на согласие Польши передать Данциг дал гарантии ее независимости. При встрече с британским послом Гитлер, однако, не дал таких обещаний, но в то же время предложил в своем послании к Н. Чемберлену «всеобъемлющее урегулирование» с гарантиями для Британской империи (после «решения польской проблемы»).⁷³ Перед началом польской кампании, с проведением которой он очень спешил из-за предстоящей осенней распутицы, Гитлер хотел быть уверен, что Чемберлен не выступит в поддержку Польши. Для срочной передачи своего послания в Лондон он даже предоставил британскому послу немецкий самолет.

Забыв, что оправдывал ранее свое нежелание повлиять на Польшу тем, что она является самостоятельным государством, Лондон обрушил в эти последние перед началом войны дни сильнейшее давление на Варшаву, требуя от нее «пристойного»

поведения, немедленного вступления в переговоры с А. Гитлером и отмены решения о мобилизации.

Цепляющееся за умиротворение британское руководство не учло, однако, кардинального изменения общественных настроений. По словам главного дипломатического советника правительства Р. Ванситгарта, сама информация о благожелательном отношении Великобритании к союзу с Германией, выраженном Н. Гендерсоном в ходе его встречи с А. Гитлером 28 августа, — в случае, если бы об этом стало известно, — нанесла бы серьезнейший удар по англо-американским отношениям.⁷⁴ Что же касается настроений внутри страны, то они были таковы, что Н. Чемберлен в таком случае не смог бы удержаться у власти. Отчасти понимая это, «умиротворители» не сочли возможным смягчить официальную риторику правительства в отношении требований Германии к Польше.

Таким образом, документы внешней политики Великобритании и СССР убедительно свидетельствуют о том, что никаких революционных изменений в британской политике весной 1939 г. не произошло. Лондон заявил о гарантиях малым странам, вступил в дипломатическую переписку, а затем и переговоры о создании союза с Москвой, используя это лишь как средство давления на Берлин с целью сделать А. Гитлера более сговорчивым, заставив его пойти на заключение всеобъемлющего англо-германского соглашения. Политика умиротворения агрессора продолжалась вплоть до начала Второй мировой войны. Собственно, надеждами руководства на проведение еще одной конференции по типу Мюнхена и объясняется возмущавшая многих британцев задержка с объявлением войны Германии после ее нападения на Польшу.

1. Год кризиса, 1938–1939. Том I (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. М., 1990. С. 256.
2. Parkinson R. Peace for our time. Munich to Dunkirk — the Inside Story. New York, 1971. P. 103.
3. Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. С. 375.
4. Английский государственный архив (далее — ИДА). Ф. 836. Оп. 3. Д. 9. Л. 138.
5. Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 12. Л. 25.
6. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 9. Л. 36.
7. Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945. М., 1987. С. 384.
8. Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. С. 314.
9. Там же. С. 340.
10. Parkinson R. Peace for our time. Munich to Dunkirk — the Inside Story. P. 133.
11. Ibid. P. 136.
12. Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. С. 365.
13. Там же. С. 386.
14. Parkinson R. Peace for our time. Munich to Dunkirk — the Inside Story. P. 1.
15. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 7. Л. 74.
16. Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. С. 463.
17. Там же. С. 246.
18. Там же. С. 30.
19. Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. 5. 1922–1939. P. 1045.
20. Ibid. P. 1068, 1085.
21. Ibid. P. 1041.
22. Ibid. P. 1068.

23. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. Надвигающаяся буря. М., 1958. С. 333, 342.
24. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 390. Л. 99.
25. Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. С. 179.
26. Там же. С. 338, 354.
27. Там же. С. 98.
28. Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии. М., 1962. С. 345–346.
29. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 9. Л. 40.
30. Там же. Л. 237, 53.
31. Там же. Д. 10. Л. 64, 66.
32. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 7. Л. 51.
33. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 10. Л. 78.
34. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 7. Л. 64, 67.
35. Там же. Д. 8. Л. 6–7.
36. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 9. Л. 45, 109.
37. Там же. Д. 10. Л. 186.
38. Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. (29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.). Документы и материалы. С. 509.
39. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а, Папка 25. Д. 2. Л. 43, 44.
40. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 10. Л. 62.
41. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. (2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.). Документы и материалы. М., 1990. С. 110.
42. Там же. С. 112.
43. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 10. Л. 114.
44. Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии. С. 360.
45. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. (2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.). Документы и материалы. С. 35.
46. Цит. по: Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии. С. 357–358
47. АВП РФ. Ф. 13. Оп. 1. Папка 1. Д. 5. Л. 38.
48. Там же. Л. 86.
49. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. (2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.). Документы и материалы. С. 89–90.
50. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 10. Л. 12.
51. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 9. Л. 233.
52. Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. 5. 1922–1939. P. 1082.
53. ИДА. Ф. 836. Оп. 3. Д. 10. Л. 260, 258.
54. Там же. Л. 287, 292.
55. Там же. Д. 9. Л. 334.
56. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. (2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.). Документы и материалы. С. 147.
57. Documents on British Foreign Policy. Ser. 3. Vol. 6. P. 763–764.
58. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. (2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.). Документы и материалы. С. 190.
59. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 12. Л. 44, 72.
60. Там же. Д. 7. Л. 54.
61. Там же. Л. 99.
62. Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945. С. 389.
63. Год кризиса, 1938–1939. Т. 2. (2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.). Документы и материалы. С. 127–134.
64. Там же. С. 168.
65. Там же. С. 146–147.
66. Там же. С. 166.
67. Parkinson R. Peace for our time. Munich to Dunkirk — the Inside Story. P. 173.
68. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. Папка 25. Д. 12. Л. 122, 136.
69. Там же. Д. 1. Л. 28.
70. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. Надвигающаяся буря. С. 357–358.
71. ИДА. Ф. 836. Т. 39. Л. 142, 143. Шифропереписка по Советскому Союзу.
72. Parkinson R. Peace for our time. Munich to Dunkirk — the Inside Story. P. 171.
73. Ibid. P. 186.
74. Ibid. P. 197.